

Эдуард
ТОПОЛЬ

*Убийца на экспорт
Охота за русской мафией*

Эдуард Тополь

**Убийца на экспорт.
Охота за русской мафией**

«АСТ»

Тополь Э. В.

Убийца на экспорт. Охота за русской мафией / Э. В. Тополь — «АСТ»,

Увлекательные повести знаменитого Эдуарда Тополя – прославленного драматурга и сценариста, но прежде всего – известного и любимого во всем мире писателя, романы и повести которого изданы во всех европейских странах, в США, Японии и, конечно, в России! Русская мафия в Америке – дневной и ночной кошмар служителей американского закона. Потому что в мире организованной преступности Запада «загадочные русские души» задают и полицейским, и своим нерусским собратьям-бандитам такие задачки, которые разрешить попросту невозможно. Охота на русскую мафию начинается! Но кто выйдет из нее победителем?

© Тополь Э. В.

© АСТ

Содержание

Убийца на экспорт	5
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Эдуард Тополь

Убийца на экспорт.

Охота за русской мафией

Убийца на экспорт

Ранним апрельским утром 1992 года по 87-му хайвэю катил на север от Нью-Йорка маленький серый грузовичок с запыленным номером. В его кузове лежали старая машинка для стрижки травы, складная лестница, грабли, садовые ножницы и прочий садовый инструмент, а в кабине сидели двое – плотный, с бычьей шеей, тридцатипятилетний водитель в джинсовой куртке поверх свитера и худощавый, лет сорока, с острым профилем, пассажир в пиджаке и бейсбольной кепке. Оба ели гамбургеры, которые водитель купил в «Макдоналдсе», проезжая Янкерс.

Минут через двадцать после выезда из города грузовичок свернул под указатель «Скарсдейл» и углубился в безлюдные зеленые улицы, больше похожие на парковые аллеи. Водитель посмотрел на часы.

– Доедай, мы у цели, – сказал он по-русски своему пассажиру, который не столько ел, сколько с любопытством озирался по сторонам. Вокруг были настоящие поместья – каждый двор как парк, а в глубине – двухэтажный или трехэтажный особняк, плавательный бассейн, стриженные газоны, детская площадка, теннисный корт и гараж на пару машин.

– Это как наше Рублево под Москвой, что ли? – спросил пассажир.

– Ну вроде... – усмехнулся водитель.

– Живут же люди! А почему заборов нет?

– Потому что это Америка! Не Россия! – высокомерно сказал водитель и, проезжая мимо очередной каменной арки, сбавил скорость, проговорил негромко: – Здесь, Ник. Слева. Только не крути головой!

А еще через двести метров остановил машину, с озабоченным видом вышел из кабины и открыл капот двигателя. Держа в руке тряпку, свернул пробку радиатора и тут же резко отстранился от выброса пара.

– Shit! – выругался он по-английски. – Николай, поди сюда!

Пассажир подошел.

– О'кей, слушай. – Водитель опять посмотрел на часы. – Через пару минут из этого двора выедет синий «торус». Это домработница отвалит в магазин за провизией. И тогда – твое время. Только спокойно, без суеты. Войдешь во двор, там в глубине – дом. Но он тебе не нужен. Тебе нужна оранжерея, она справа, в парке. В оранжерее – баба. Она слегка чокнутая, и у нее эта болезнь – мультипал склерозис, хрен его знает, как это по-русски. Ну – когда руки дрожат...

– Паркинсон?

– Наверно. Короче, чтоб никакого шума, но со следами насилия. Ясно? Трахни ее в зад или куда хочешь, а потом... Ну, сам понимаешь. Только не увлекайся. На все – сорок минут, пока домработница будет в магазине.

Николай внимательно посмотрел ему в глаза:

– И?..

– И придешь сюда, я тут буду. Я объеду блок и буду здесь. – Водитель вдруг занервничал под взглядом Николая. – Что ты зыришься? Нам гарантировали, что бабы по твоей части. Или нет?

– По моей, по моей, – успокоил его Николай. И огляделся. Японский бог, он – в Америке! Он в Америке уже 16 часов, и это не каменные джунгли, как ему с детства внушали еще в детдоме, а – заповедник! Пахнет лесом, свежей землей, цветущей липой, скошенной травой и еще чем-то. Ландышами? И птицы поют, и черные белки скачут меж деревьев по солнечным пятнам. Рай! Не зря еще вчера в аэропорту он, проходя таможенный досмотр, понял, что принял правильное решение. В 15.20 он вышел из прокуренного самолета «Аэрофлота» и в потоке потных пассажиров, тащивших в каждой руке по огромной сумке сверхлимитного багажа, оказался в зале таможенного контроля. Кроме поролоновой куртки и небольшой сумки, у него ничего не было. Потому что только эмигранты и потенциальные беженцы везут в Америку горы барахла – от простыней и подушек до стирального порошка. Но именно из-за этого их часами трясут и мурыжат сотрудники таможни, уже ошалевшие от наплыва беженцев из бывшего СССР. А он молча предъявил молодой чернокожей таможеннице свою спортивную сумку, декларацию с прочерками – «не болел... не имею...» и паспорт с туристской визой. И тут же – белозубая улыбка и «Thank you. Mister Umansky. Welcome to America!»

Это ему понравилось.

Черт возьми, не успел перешагнуть границу, а уже назвали «мистером»! Он даже оглянулся на эту «белоснежку» – может, трахнуть ее вечером? Жаль, что он ни слова не знает по-английски! Ладно, с «белоснежками» он потом разберется. У него в запасе целых две недели! Так, во всяком случае, ему сказали в Москве. «Две недели – и два куса зеленых в кармане», – сказали ему. «Сколько персон убрать?» – спросил он. «Одну, – сказали ему. – И вся поездка – за счет фирмы! Идет?» «Политика?» – спросил он. «Нет, бытовуха. Едешь?»

Он не стал торговаться. В России стоимость ликвидации стартует от пяти тысяч рублей, то есть от пяти долларов. Правда, это цена за мелкую сошку типа уличных коммерсантов или соседа по коммунальной квартире. А устранение крутых бизнесменов куда дороже. Но выше пятисот долларов ставок нет, во всяком случае – он о таких не слышал. Потому за заказ аж на две тысячи он, конечно, должен был им в ножки поклониться. Что он и сделал. «Спасибо!» – сказал он. «Ерунда! – сказали ему. – Свои же люди!»

И в этом было все дело. «Своими людьми» были его бывшие начальники, которые два года назад, сразу после упразднения в Первом управлении КГБ Исполнительного отдела «В» (мокрые дела), создали частную фирму «Нарцисс» по охране валютных магазинов, защите от рэкеты и прочим деликатным операциям. Они не могли послать сюда лишь бы кого. Ведь не в Сибири надо было кого-то шлепнуть, а в Америке! Нет, в такую командировку они могли отправить только своего, проверенного многолетней работой сотрудника. Который в случае провала даже под пыткой не назовет хозяев. И не потому, что так им предан, а потому, что именно у них в сейфе хранится его личное дело с перечнем его прошлых заслуг перед КГБ – ликвидации трех известных и девяти неизвестных диссидентов. И еще кой-кого...

Но такие мудрые и опытные начальники, на нем, Николае, они и прокололись. Он принял решение и потому вчера в аэропорту, еще раз оглянувшись на аппетитную таможенницу, шагнул из таможенного зала к двери в Америку с тем ознобом в животе и груди, как идут на первое свидание и на первое убийство. И – эти двери тут же разошлись перед ним, автоматически распахнулись, и это тоже оказалось приятно, ага, пустячок, а приятно!

Однако за дверью оказалась не Америка, а толпа русских евреев, которые держали над головами картонные таблички с надписями: «Шварц, мы здесь!», «Роза, с приездом!» и т. п. И не успел Николай сделать двух шагов, как плечистый 35-летний мужик, державший над головой табличку «Уманский», шагнул к нему навстречу. Значит, первый вариант отпал, отметил про себя Николай. Но не огорчился, а протянул руку встречавшему:

– Привет. Николай Уманский.

– Натан, – коротко сказал тот, пожал ему руку жесткой, как клешня, рукой бывшего боксера, буркнул: «Пошли!» – и двинулся к выходу из аэровокзала.

Николай следовал за ним, держа глаза на короткой шее Натана, мощной, как гранитная колонна. «Н-да, шейка», – подумал он, но тут же спохватился: о чем он думает! Нужно забыть про все это! Ведь он принял решение! Он – в Америке! Он – в Нью-Йорке! Офуеть можно!

Впрочем, пейзаж при выходе из аэровокзала тоже не соответствовал шику, которого он ожидал. Никаких небоскребов, а только голое заасфальтированное пространство с несколькими плоскими зданиями слева и справа и полупустынная автостоянка впереди. Правда, теплый и солнечный апрельский день, а в Москве еще снег.

– А где же Нью-Йорк? – спросил он.

– Будет, – сухо сказал Натан и посмотрел на часы. – Уже четыре, пошли быстрее. Надо проскочить, пока нет заторов.

Не обращая внимания на красный свет светофора, Натан перешел дорогу к автостоянке, нажал на брелок от ключей, и тут же белый «бьюик» отозвался коротким гудком. Как вскрикнул. А Натан искоса глянул на Николая, ожидая удивления. Но Николай только усмехнулся – эти брелоки уже не новость в Москве. Нахмурившись, Натан сел за баранку и требовательно протянул Николаю правую ладонь:

– Документы! Деньги! И вообще – все из карманов!

– Зачем?

– Без разговоров! Тебе же сказали в Москве: все мои приказы выполнять без разговоров. Или – тут же полетишь назад! – И Натан опять посмотрел на часы – не то чтобы показать Николаю свой золотой «Ролекс», не то намекая, что может отправить его назад тем же самолетом, на котором тот прилетел.

Расставаться с документами не хотелось, но, поколебавшись секунду – ведь у него в запасе две недели, – Николай отдал паспорт, авиабилет и все свои сорок долларов.

– Больше ничего нет? Точно? – Натан сложил его вещи в пластиковый пакет.

Николай порылся в карманах и выгреб несколько смятых русских сторублевок. Натан забрал и эту мелочь.

– Часы снимай!

– Как же я без часов?

– Обойдешься! Ну!

Николай мысленно признал, что Натан действует грамотно. И это его успокоило: профессионалу всегда легче иметь дело с профессионалом, по крайней мере знаешь правила игры. Между тем Натан взвесил на ладони его часы, сказал:

– Ого! – Потом перевернул их и аж присвистнул: – Ни фиги себе!

Николай отвернулся. Он знал, что нельзя было брать с собой эти часы, но и оставить их дома он тоже не мог – на задней крышке было выгравировано: «За Кабул. «Альфа». 1981».

– Так ты из «Альфы»? – Натан завел машину. – Это которая Амина хлопнула?

Николай промолчал.

– Ну идиоты! – Натан крутнул головой. – В Америку посылать человека с такими часами на руках! Ну не мудаки, а? – И, сунув пакет в карман джинсовой куртки, сказал примирительно: – Все отдам, не бзди. Завтра перед вылетом.

– Перед вылетом куда?

– Куда! Домой! Куда! – передразнил его Натан, ведя машину к выезду со стоянки. – А ты думал – в Майами, что ли? Утром сделаешь дело, и к двум часам мы снова здесь. На самолет и – домой! Чтоб духу твоего здесь не было!

Николай запаниковал. Как же так? Ему сказали «две недели», а оказывается, у него времени – только до завтрашнего утра! И все документы у этого еврея! Он опять посмотрел на бычью шею Натана. Конечно, в России он бы и думать не стал, каким приемом свернуть эту шею, руки сами нашли бы решение, но в том-то и дело, что он уже не в России, а тут. И тут нужно выбросить из головы все профессиональные рефлексy. Н-да, задача!

Миновав дорожные развязки и указатели, они выскочили на какое-то гудящее от машин шоссе, и Натан еще прибавил газу. Мелькали гигантские рекламные стенды: «Toyota», «SONY», «Finlandia», голая – чуть не на полкилометра – баба в солнечных очках. Потом слева, поверх деревьев и крыш, Николай увидел – как в мираже – знакомые по фото и кино очертания американских небоскребов.

– Манхэттен! Клево? – усмехнулся Натан, держа на спидометре 80 миль в час.

– Ничего... – Николай с трудом сдержал улыбку. Во-первых, потому, что этот Натан прокололся – хвастун он, хоть и профессионал. А во-вторых, вид серебристых небоскребов и ощущение полета машины по широченному шоссе еще раз подтверждали, что он принял правильное решение.

– А где же Нью-Йорк? – спросил он как можно небрежней.

– Так это и есть Нью-Йорк! Манхэттен, Квинс, Бруклин – пять районов у нас. «Боро» называются. Впрочем, тебе это ни к чему, ты их не увидишь.

– Почему?

– А потому! Чем меньше ты увидишь Америки, тем меньше сможешь в Москве физдить о своей поездке. Дошло? – И Натан свернул под знак «Triboro Bridge».

Ночь они провели в мотеле «Motor Inn» на западном берегу Гудзона. Единственное место, куда Натан свозил Николая перед этим, был магазин «СИМС», огромный, как ангар для «Ту-134», и забитый мужской и женской одеждой настолько, что, даже если запустить в него московскую публику, она за день тут всего не расхватает. В «СИМСе» Натан переодел Николая во все американское – костюм, туфли, рубашку, носки. И даже бейсбольную кепку купил ему аж за два доллара девяносто девять центов! А пакет с советской одеждой выбросил в мусорный ящик.

– Чтобы тут этим советским дерьмом не светился! – коротко объяснил он Николаю.

Но за ужином, когда они ели свиные ребрышки в китайской забегаловке рядом с мотелем, Натан разговорился:

– Ты не обижайся, Николай. Приехать в Америку и ничего не увидеть – я тебя понимаю. Но думаешь, мне охота терять тут вечер? Я этой китайской жратвы на дух не переношу – объелся в первый год эмиграции, когда баранку крутил, в такси. Нам бы с тобой сейчас соляночки съесть – нашей, брайтонской, в «Садко».

Николай молчал. Китайские свиные ребрышки были недурны, а по солянке он не скушал, потому что последние шесть месяцев сиднем просидел охранником в валютном ресторане на Трубной, где и солянку, и другие русские блюда делали по старинным рецептам петровских поваров.

– Но на Брайтоне теперь советских туристов до хера! А светиться мы не можем, у меня инструкция, – продолжал Натан. – Так что доедай и пошли спать. В Москве уже три часа ночи, тебе выспаться нужно перед работой.

– А где работа? Какая?

Натан внимательно посмотрел ему в глаза:

– Не нравится мне, что ты вопросы задаешь. За день – шестой вопрос. И эти часы на руке... Ты правда из «Альфы»?

Николай мысленно обложил себя матом. Какого черта он нервничает? Все равно то, что он задумал, не делают на ночь глядя, да еще без денег и документов. Нет, выспаться нужно, что правда, то правда!

И через час в мотеле, под храп Натана и гул соседнего моста имени Джорджа Вашингтона, он действительно уснул. Спокойным и глубоким сном профессионала, который знал, что храп Натана на соседней кровати – притворный...

– Есть! – Тихий возглас Натана прервал мысли Николая, и он увидел, как из каменной арки выехала синяя машина, свернула налево и, миновав стойку с почтовым ящиком, покатила прочь по тенистой зеленой улице. – Все! Пошел! – приказал Натан.

«Сука, – подумал Николай, – как собаку спускает». И усилием воли заставил себя осадить вскипевший в крови адреналин и разжать, расслабить свою мышечную систему. Потому что он не имел права начать свою жизнь в Америке с этого. Ведь он принял решение. Но, черт возьми – как он сможет так жить? Не пуская в дело ни рук, ни ножа, ни пистолета? Вчера этот Натан забрал у него документы, деньги и часы – считай, ограбил! – а он, словно фраер, все отдал и не пикнул. И так – жить? Это как голым ходить по улицам!

– Фули ты стоишь? – нетерпеливо сказал Натан. – Пошел!

«Интересно, сколько он имеет за каждое такое дело и сколько перепадает в Москву моим полковникам? – подумал Николай. – Десять кусков? Двадцать? Не меньше, конечно, – за меньшее они бы не стали мारаться». Но грамотно все, продуманно, чисто: утром вместо белого «бьюика» Натана на стоянке перед мотелем был этот грузовичок с садовым инструментом и с ключами в замке зажигания. А через сорок минут Натан помчит его в аэропорт и – гуд бай, Америка! Если на месте убийства окажется какой-нибудь свидетель или останутся отпечатки его пальцев – человека с его приметам нет ни в одной картотеке мира, даже московской.

– Ну-у!!! – хрипло и уже с угрозой повторил Натан и сунул руку под свитер.

– А кто эта баба? Русская? – расслабленно спросил Николай, игнорируя этот жест. И правда, может, его прислали из Москвы по заказу нью-йоркской русской мафии для внутренней, русской разборки?

– А тебе-то что? – вспыхнул Натан. – Фули ты время тянешь?

– У меня же сорок мин. – Николай усмехнулся. – Мы за сорок минут дворец Амина взяли. Так русская она?

– Нет! Не русская! Иди уже! Или на нерусскую у тебя не встанет?

Николай невольно рассмеялся:

– Шутник ты, Натан! Ну, шутник!.. – И расслабленной походкой направился к каменной арке.

Он родился в 1950 году в северной республике Коми, в зоне, в больнице женской колонии. Он не знал ни своего отца, ни матери, которая от него отказалась, и до пяти лет не видел ни одной детской игрушки. Вместо материнского лица над его записанным матрацем всегда была решетка окна, а за окном – сторожевая вышка охраны. В четыре года он еще не говорил, но зато уже хорошо знал значение всех матерных слов, которые вольные дети усваивают только к тринадцати. Он не должен был выжить, но он выжил потому, что ему разрешали целыми днями рыться на помойке у лагерной кухни – там он обсасывал рыбы кости и жевал картофельные очистки. В пять лет его впервые вывезли из зоны, но не на свободу, а в «вольный» детдом. Так подростка переводят из одного питомника в другой. Здесь от воспитателей, которые открыто уносили из детдома все продукты, положенные детям, он впервые услышал рифмованное слово. Но не «В лесу родилась елочка», а «Комсомольцы просят мяса, пионеры – молока. А Сталин им отвечает: хуй сломался у быка!» Чтобы выжить, он и другие детдомовцы по ночам опустошали соседние колхозные дворы – воровали кур, гусей, поросят и съедали их наспех – сырыми, теплыми, с кровью. Так к девяти годам в нем сложился характер насильника и убийцы, а в 12 лет за эти «хищения социалистического имущества» он опять попал в зону. И оттуда – в семнадцать – в школу КГБ, который, оказывается, именно по этим признакам «врожденного убийцы» выделил его среди других подростков и приспособил к делу: в шестидесятые годы в стране началось диссидентское движение, и Исполнительному отделу КГБ срочно понадобились кадры для его ликвидации. А потому, окончив школу ГБ, Николай избивал и «мочил» диссидентов, сионистов, крымских татар, адвентистов седьмого

дня и самиздатчиков. Потом были Кабул, московская Олимпиада, Вильнюс, Приднестровье и «переквалификация» в борцы с рэккетом. Но к сорока годам волчья жизнь обрыдла ему, стала давить, как удавка, и даже месть этим фраерам за их иные, семейные, жизни уже не приносила ему ни кайфа, ни успокоения.

И теперь он уходил от всего этого. Сегодня, сейчас судьба давала ему редкий шанс разом вырваться из тех особых пут криминального и гэбэшного мира, которыми он был связан с рождения и распутать которые может в России только смерть от ножа или пули. Он вошел под каменную арку американского рая в Скарсдейле и почти вслух засмеялся. О да, товарищи московские полковники! Он не упустит этого шанса – ни за два куса зеленых, ни за десять! Сейчас он обогнет этот плавательный бассейн, пересечет этот двор-парк, потом – соседский, потом выйдет на какую-нибудь улицу и пойдет куда глаза глядят – в новую жизнь, американскую! В конце концов, у него есть руки и он неплохой механик, он проживет. И хрен с ними, с документами и деньгами, даже из-за них не стоит начинать новую жизнь с мокрого дела. Он скажет в полиции, что его обокрали. Ага! Его обокрали! Это смешно...

Угрожающий собачий рык и взлай заставили его отпрянуть от кустов, изгородью отделявших этот двор от соседнего. Там, за кустами, две черные оскаленные псиние пасти с белыми клыками и красными от злобы глазами роняли слюни в ожидании его крови и мяса.

– Мать вашу! – сказал он им, повернул в другую сторону и тут увидел Ее.

Она – пожилая блондинка с тростью во вздрагивающей руке – вышла из оранжереи, приветливо говоря ему что-то по-английски. Николай не понял, конечно, ни слова, но попробовал знаками объяснить ей, что хочет только пройти через ее двор на соседнюю улицу. Она закивала, как будто поняла, а потом жестами стала зазывать его в оранжерею. Он в растерянности огляделся. За живым забором из кустарника продолжали рычать два черных дога, за воротами наверняка торчит этот Натан, а тут – эта баба. Честно говоря, она понравилась ему с первого взгляда – приветливая и еще совсем не старая леди, первая американка, которую он увидел в своей жизни. Стройная фигура, длинная юбка в обтяжку, попка – просто класс, и грудка торчит под мужской рубашкой. И на руках белые перчатки, перепачканные землей. За что они хотят ее убить?

Между тем американка вошла в свою оранжерею и обернулась, снова зазывая его следовать за ней. Он последовал.

В оранжерее, увешанной горшками с какими-то выюнами и цветами, было тепло, даже жарко. Женщина подошла к длинному столу с ящичками рассады, сдвинула пару, и Николай увидел телефон.

– Please, – сказала она Николаю. – You can call your mechanic.

Это до него дошло. Она думает, что у него испортилась машина, и предлагает ему позвонить механику.

– No, – сказал он чуть ли не единственное английское слово, которое знал. И перешел на русский, стал говорить, что ее хотят убить, но он не знает за что. Может, это ее муж хочет от нее избавиться? Он видел такое в кино. Ведь у нее «паркинсон», а у него, наверно, молодая баба. Вот он и заказал замочить ее. – Ponimaesh? Kh-h-h! – И Николай для наглядности выразительно чиркнул себя ладонью по горлу, а потом ткнул в американку пальцем. Мол, тебя – к-х-х!

– Муж, наверно! Понимаешь? Кто же еще?

Но женщина ни черта не понимала, только внимательно смотрела на него своими зелеными глазами, а потом спросила:

– You are not going to kill me, are you? Would you take money?

Это слово он знал. «Мани» ему не мешают. Тем более что он их заработал, честно предупредив ее о смертельной опасности.

– Мани – о'кей! – сказал он. – О'кей мани!

Женщина открыла ящик стола, но вытащила из него не деньги, а пистолет. И направила его на Николая.

– Fuck me first, – сказала она. – Do you underst...

Но договорить она не успела, конечно. Потому что Николай был с семнадцати лет выдрессирован реагировать на пистолет не думая.

И буквально в следующее мгновение этот пистолет отлетел в сторону, а эта дура с болезнью Паркинсона, зелеными глазами и упругой кукольной попкой лежала на деревянном полу оранжереи – лицом вниз и с завернутыми за спину руками.

А Николай лежал на ней, ища глазами, из чего бы сделать ей кляп, и умоляя себя и Бога не заводится. Только не заводится! Только не давать волю этому пьянящему кайфу преодоления сопротивления жертвы, которая будет сейчас визжать, рыдать, кусаться и биться в его руках, как поросенок, как курица, как хорек или кролик. Господи, как они все любят свои куриные жизни! Они всегда сопротивляются и тем самым заставляют его звереть до того, что он вынужден их убивать. Да, они, они сами, а не он, всегда были виноваты в том, что он с ними делал...

Но какого черта эта американка не кричит и не вырывается? И что она шепчет? «Do it! Yes! Do it to me!» Он не понимал ни слова, тем более что английское «do it» похоже по звучанию на русское «дуй», но он чувствовал, как ее задница вдруг заиграла под ним и заелозила, втираясь в его пах.

«Сейчас я тебе вдую!» – успел подумать он, теряя контроль над собой, а все дальнейшее уже было неостановимо – его руки рывком перевернули на спину ее легкое белое тело и буквально разломали ее ноги.

Но краем сознания, уже затуманенного похотью, он опять отметил, что она не сопротивляется, наоборот, помогает ему расстегнуть штаны и даже сама потянулась к его ширинке, восклицая: «Give it to me! Give it to me! Please!» «Может, она действительно с приветом? И откусит сейчас?!» – испуганно подумал он, но и эта мысль уже опоздала, потому что страстная и жадная работа ее языка уверила его в том, что она в своем уме и умении.

Это было дико ему, нелепо и непонятно – оказалось, что не он имел ее, а она – его. Правда, сначала и по запарке он еще по русской манере всаживал и долбил скважину под аккомпанемент ее стонов: «Yes!.. Yes!.. Do it!» – но через несколько минут они уже приспособились друг к другу, вошли в синхрон, и не столько он всаживал, сколько она поддавала, а потом и вообще оказалась на нем – сама взлетела на него и помчалась вскачь, несмотря на свой «паркинсон», который делся неизвестно куда, испарился, что ли?

Господи, что это была за скачка! И передом, и задом, и на боку, и вприсядку!

Но он не сдавался! Нет, как он мог уступить этой первой в его жизни американке, да еще с «паркинсоном»? И когда она обессиленно падала на него, истекая в очередном оргазме, он больно крутил ее маленькую белую грудь, подминал под себя ее холеное тело и опять засаживал и долбил скважину, матерясь с любовным садизмом. Но американка не понимала его грязных ругательств.

– Are you German? – спрашивала она. – Or Hungarian?¹

А он не понимал, о чем она спрашивает, и приказывал:

– Ne pizdi! Do it! Rabotay!

От их скачки дрожал деревянный настил пола оранжереи, падали и разбивались горшки с цветами. Она не обращала на это внимания.

– You are great, you know? – шептала она страстно. – You are the greatest! I did not have sex four years! My husband is not touching me... O, God! You are God, you know? You are God!²

¹ Ты немец, венгр? (англ.)

² Ты великолепный! Ты самый лучший! У меня не было секса уже четыре года! Мой муж не прикасается ко мне... О Боже!

– Ne pizdi, suka! Rabotay!

– I'll go with you, I swear! I'll give you all I have! I'm rich! Would you take me with you?³

– Do it, suka! Do it!

И она – «дула», как она «дула»! Даже когда он захрипел, кончая, она продолжала яростно обтесывать его клинок, выжимая из него последнюю силу.

А потом, когда этот клинок выпал из нее, она благодарно вылизала его. Николай не привык к такому обращению.

– Ладно, ладно! Дорвалась! – сказал он по-русски с напускной грубостью. – Не ебут вас тут, что ли?

Он встал и стал натягивать брюки. А она... Она вдруг стала перед ним на колени и – голая, распатланная, в пыли – сказала:

– Thank you! Take me with you! Please! I'm begging you! I have a house in Arizona. Take me there or kill me! Please! I can not stand it here any longer!⁴

– Подожди, не пизди, – сказал он по-русски, не поняв, кроме «thank you», ни слова из ее пылкой речи. – Имей в виду: тебя хотят убить. Понимаешь? Твой муж, наверно, или я не знаю кто. Я-то тебя не трону, конечно. Но они могут вызвать другого. Ферштейн? К-х-х! Тебя! – Он показал на нее пальцем и опять выразительно чиркнул ладонью под своим подбородком. Потом отшвырнул ногой ее пистолетик и вышел из оранжереи. Пусть она ни хера не поняла из того, что он ей сказал, все равно он был горд собой: впервые в жизни он не убил свою жертву, а, наоборот, она сама сказала ему на прощание спасибо.

Он шел к каменной арке выхода, улыбаясь и уже беззаботно думая об этом Натане. Теперь, когда он сумел *не* убить, он сможет получить с этого Натана и свои документы, и деньги.

Он прошел уже полдороги до арки, позолоченной сияющим американским солнцем, когда за его спиной прозвучал негромкий хлопок. Он рефлекторно отпрыгнул в кусты и упал плашмя, потому что и на этот звук был тренирован с семнадцати лет. И так он лежал, вжавшись в землю и вслушиваясь в райскую тишину Скарсдейла.

Но никто не стрелял в него и вообще больше не было слышно ни звука.

Он поднялся на четвереньки, осторожно выглянул из-за куста, а потом – пригнувшись, зигзагом и короткими перебежками – вернулся назад, к оранжерее.

Она лежала на пороге оранжереи, одетая и лицом в землю – словно пыталась его догнать. В ее правой руке был пистолет, а из-под ее левой груди медленно вытекала на землю густая алая кровь.

– Зачем?.. Боже мой!.. – сказал он с мукой.

Когда он вышел на улицу, Натан чуть не сбил его своим грузовиком.

– Быстрей, сука! Садись! Фули ты там мудохался час?!

Он сел в кабину, и Натан дал газ, спросил нетерпеливо:

– Ну? Все в порядке?

Николай тупо смотрел прямо перед собой.

– Ты ее сделал или нет? – крикнул Натан.

– А? – спросил Николай.

– Ты что – оглох, падла?! Я спрашиваю: ты сделал ее или нет?

– Сделал... – кивнул Николай.

– Ну так и скажи! Фу... – Натан облегченно выдохнул. – Вот, бля, народ присылают! Час с инвалидкой мудохался! А еще из «Альфы»! Понятно, что у вас там порядка нет!

Николай посмотрел на него тяжелыми остановившимися глазами, и Натан занервничал:

Ты Бог! Ты божественный! (англ.)

³ Я пойду с тобой! Я дам тебе все, что имею! Я богата! Ты возьмешь меня с собой? (англ.)

⁴ Спасибо! Возьми меня с собой! Умоляю! У меня дом в Аризоне. Возьми меня отсюда или убей! Я не могу тут! (англ.)

– Ну ладно, ладно! Я пошутил. Что ты зыришься, как Ельцин на Горбачева?

Он вывел машину на хайвэй и погнал на юго-восток. Слева и справа мелькали бензоколонки Sunoco, Техасо и Еххон, плосккрышие магазины и рестораны с яркими рекламными вывесками-щитами, а потом все это разом кончилось, и шоссе пошло через лес. Такого густого леса и такой пышной зелени Николай не видел в России. На каждом метре земля словно выпирала из себя деревья и кусты в удвоенном, нет – в утроенном количестве. И вообще, всего в этой Америке было через меру – на перекрестках не одна бензозаправочная станция, а три, на каждой улице не один ресторан, а десять, а в каждом магазине любых товаров не один вид, а сто. Эту страну словно распирало от силы, скорости, перепроизводства и сексуальной жажды. Николай вдруг схватился одной рукой за живот, а другой зажал себе рот. Он захрипел, а его тело задержалось в рвотных движениях.

– Ты чего? – изумился Натан. – Ты первый раз, что ли?

– Гамбургер твой... – промычал Николай сквозь пальцы. – Останови, бля!..

Натан прижался к обочине, Николай выскочил из машины и, сгибаясь от рвотных порывов, побежал в лес.

– Ну, слабак! – сказал Натан, когда фигура Николая скрылась за деревьями.

Нервно поглядывая в зеркальце заднего обзора, он закурил. Мимо проносились легковые машины и тяжелые грузовики – от их скорости воздушная волна ударяла по его грузовичку и качала его. Потом за деревьями проклацали колеса поезда. А Николая все не было. Пять минут... восемь... Натан уже смотрел только в зеркало заднего обзора, потому что патрульная полицейская машина могла появиться на шоссе в любой момент.

– С-с-сука! Присылают же фраеров! – не выдержал он наконец, швырнул сигарету и пошел искать этого мудака.

– Эй, Николай! Ты где? – крикнул он, входя в густой лесной кустарник. – Эй, Нико...

Жесткий, как топориче, удар ребра ладони по его бычьей шее оборвал этот зов. Натан еще тихо оседал на подгибающиеся колени, когда второй такой же удар по сонной артерии отключил его полностью. Николай нагнулся над ним, вытащил из-за пояса «магнум», а из карманов пакет со своими документами и увесистый кошелек. Рукоятка «магнума» хорошо улеглась в его ладони, удобно. А дуло словно потянулось к голове лежавшего в отключке Натана. Но в последний момент он усилием воли отвел эту руку.

– Ладно, живи! Сегодня я добрый! – сказал он и швырнул «магнум» подальше в кусты. Потом пересчитал деньги в кошельке – около семисот долларов. – Имей в виду, – сказал он почти бездыханному Натану, – ты мне еще тринадцать сотен должен! – И, сунув кошелек себе в карман, пошел из леса к гудящему от машин шоссе. Там он сел за руль грузовичка, дал газ, доехал до первого пересечения с какой-то другой дорогой, свернул и помчался, сам не зная куда.

Он понимал, что должен скорей избавиться от этой машины, бросить ее, пересест на поезд или в автобус, но скорость и прекрасное шоссе с летящими по нему американскими машинами пьянили ему голову.

На следующий день в нью-йоркском офисе «Nice, Clean & Perfect Agency Inc.»⁵, что на углу Пятой авеню и Сорок четвертой улицы, появился неожиданный визитер. Он вручил секретарше маловыразительную визитку, что-то насчет «Импорт-экспорт интернэшнл», и с сильным не то германским, не то славянским акцентом попросил передать ее боссу. Секретарша с сомнением посмотрела на посетителя. «Nice, Clean & Perfect» отличается от аналогичных агентств повышенной респектабельностью и ради этого держит в «Нью-Йорк таймс» большое – аж на три инча – объявление:

⁵ Приятно, чисто и совершенно (англ.).

BEST HOUSEKEEPERS & NANNIES FROM EUROPE

Наши домработницы и няни из Финляндии, Швеции и Германии работают в лучших домах Беверли-Хиллз, Род-Айленда, Коннектикута и Силвер-Спринга, штат Аризона. Трудолюбивые, с европейским образованием и манерами. Отличные рекомендации, проверенные биографии.

По этой ссылке на Беверли-Хиллз и Силвер-Спринг любому ясно, что клиентура агентства – даже не средний класс, а адвокаты, хирурги, кинозвезды и преуспевающие бизнесмены. Ни один из них не явится в агентство с улицы. А когда они звонят в «Nice, Clean & Perfect» из своих аризон, с ними разговаривают долго и обстоятельно, выясняют все требования к будущей работнице и – если клиент того стоит – незамедлительно присылают ему рекламную брошюру агентства. В брошюре, помимо сведений о преимуществах европейских нянь и работниц – они будут говорить с вашими детьми по-французски, по-немецки, по-шведски или как вы еще хотите или готовить вам французские и шведские обеды, – помимо всей этой рекламы, сообщается, что агентство принадлежит Биллу Лонгвэллу, бывшему детективу Интерпола, имеющему давние связи с полицией всех европейских стран. А потому гарантирует полную и тщательную проверку биографии вашей будущей работницы.

Именно это ставило бизнес Лонгвэлла выше всех конкурентов – миллионеры из Калифорнии и Коннектикута были готовы платить top price, самую высокую цену, лишь бы знать, что их слуги действительно проверены полицией, а няни у их детей имеют подлинные дипломы европейских университетов. Так что агентство Билла Лонгвэлла не знало случайных визитеров, а потому секретарша с сомнением посмотрела на этого залетного посетителя. Синий костюм от Gianni Versace, галстук от Gucci, лакированные итальянские туфли, а на руке два перстня из платины. Бр-р-р. Так одеваются только вчера разбогатевшие плебеи и актеры, играющие чикагских гангстеров 30-х годов. И духи «Agasy» – днем?!

Но и отбрызнуть такого нувориша самостоятельно секретарша не решилась.

– Я не уверена, что мистер Лонгвэлл здесь, – сказала она и прошла в кабинет Лонгвэлла.

К ее изумлению, едва бросив взгляд на эту визитку, толстяк Лонгвэлл вскочил с кресла, метнулся к двери и сам пригласил посетителя в свой кабинет. При этом секретарша, которая знала Лонгвэлла не только с девяти утра до пяти вечера, но и – раз в неделю – с пяти вечера до полуночи, сразу ощутила панику и в глазах, и в жестах своего шефа.

И интуиция не подвела ее – гость не провел у Билла и пяти минут, как она услышала по селектору:

– Джоан, отмени мою поездку на Западное побережье.

– Что? – не поверила она своим ушам.

– Я сказал: отмени мой завтрашний полет в Лос-Анджелес и всю поездку! – нетерпеливо сказал голос Билла и тут же отключился.

В налаженной работе агентства это было неслыханно. С момента открытия своего бизнеса в 1986 году Лонгвэлл регулярно, не реже чем раз в месяц, сам лично обзванивал своих клиентов и выяснял, довольны ли они новой домработницей, а затем и навещал их, что требовало от секретарши титанических усилий по составлению расписания этих поездок, поскольку далеко не все клиенты соглашались на эти визиты. Но Лонгвэлл был настойчив и никогда не отменил ни одной из этих поездок. Он поднимал свои двести семьдесят фунтов мяса, жира и костей, упаковывал их в самолет и летел в Лос-Анджелес, в Аризону и даже в Орегон. «Репутация моей фирмы мне дороже, чем те комиссионные, которые я получаю от этих женщин», – объяснял он эти поездки и своей секретарше, и хозяйевам очередного роскошного особняка в Беверли-Хиллз, которым он устраивал настоящий допрос: «Не разленилась ли ваша домра-

ботница? Не дерзит ли? Не опаздывает ли после уик-эндов? Не завела ли себе хахалю? Ходит ли в церковь? Много ли смотрит телевизор?»

После этого Лонгвэлл с разрешения хозяев увозил домработницу на час-полтора в какой-нибудь соседний «Макдоналдс» и проводил с ней отдельную беседу. Какие отношения царят в семье, где работает эта женщина? Не вмешивается ли она, упаси Бог, в семейные проблемы? Помогает ли хозяйке веселей переносить частые отлучки мужа в деловые поездки? Ну и так далее. Одиноким европейским женщинам, приехавшим на заработки в Америку, эти беседы казались стандартной беседой хозяина с работницей, за которую он отвечает репутацией фирмы. Ни они, ни даже личная секретарша Лонгвэлла, которая считала, что знает о Билле все, не подозревали об истинной цели этих вояжей Лонгвэлла. Нужно ли говорить, что идеальных семей не бывает или почти не бывает? Что в богатых семьях жены зачастую ревнуют своих мужей к их секретаршам, ассистенткам и т. п.? Что мужья сплось и рядом тяготятся своими престарелыми женами, а молодые жены – старыми мужьями, и даже дети подчас – своими богатыми родителями?

Буквально через пару месяцев после того, как домработница из «Nice, Clean & Perfect Agency» приступала к работе, Лонгвэлл знал все о ее хозяевах. Теперь ему оставалось только бросить наживку и подсечь улов. Обычно это происходило во время его второго или третьего визита, когда хозяин или хозяйка – в зависимости от того, на кого он нацелился, – принимали его уже как своего хорошего знакомого. Посасывая легкий дринок, Билл заводил разговор на свою прошлую работу в Интерполе и со смехом замечал, что у него до сих пор есть в Европе пара знакомых, «из тех, знаете, которые умеют чисто и аккуратно избавить жену от мужа или, наоборот, мужа от жены. Конечно, это стоит приличных денег, «but nothing is free now, you know», за все надо платить, особенно – за свободу». При этом Билл пристально смотрел в глаза клиенту и – тут же переводил разговор на другую тему.

Тот, кто клевал на наживку, звонил обычно Биллу на второй или третий день после этого разговора. Если же клиент не звонил, Билл никогда больше не навещал его и не напоминал о себе, а продолжал получать только свои 10 процентов от зарплаты домработницы. Но если клиент (или клиентка) звонил, то Билл считал, что очередные 200 тысяч долларов у него в кармане. Потому что все дальнейшее было рутиной:

- встреча с клиентом (нервным и потеющим от страха);
- короткое и спокойное изложение вариантов выполнения заказа (несчастный случай, автоавария или убийство при ограблении);
- и цена: 200 тысяч долларов, только наличными, и все деньги вперед.

Конечно, почти все клиенты останавливали свой выбор на несчастном случае, но судьба никогда не следовала их выбору. Наоборот, если муж просил ухлопать жену в автокатастрофе, то она погибала при оказании сопротивления грабителю. А если жена просила утопить ее мужа в плавательном бассейне его любовницы, то он попадал в автокатастрофу. Таким образом, клиенты всегда имели возможность уверить себя в том, что они вовсе не убийцы. Да, они заплатили Лонгвэллу, но Бог опередил его...

Правда, никто из них почему-то не просил Лонгвэлла вернуть деньги и никто не шел в полицию с повинной.

Кстати, о полиции. Поскольку Билл Лонгвэлл действительно был когда-то агентом Интерпола, то с полицией он не шутил и, конечно, понятия не имел, кто, как и когда выполнял столь рискованные заказы. Больше того, он и не хотел этого знать! Единственной его заботой было оставить в абонентном ящике № 9 почты на Сорок третьей улице конверт с половиной полученного гонорара и короткую информацию о заказе. И все. И вдруг – этот визит.

- На какой срок у него виза? – нервно спросил он у посетителя.
- На месяц. Посольство всегда дает визу с запасом, даже если летишь на два дня.
- А на какое число билет?

– Он может улететь в любой день. Билет с открытой датой.

– У него есть деньги?

– Семьсот с чем-то долларов. Те, что он взял с кошельком Натана, когда отключил его. – Посетитель не очень грамотно говорил по-английски, и у него было тяжелое «г».

– А ты уверен, что он выполнил заказ?

– И еще как! Первый класс! – Посетитель положил на стол свежий дневной выпуск «Нью-Йорк пост». На первой странице был крупный заголовок «Смерть в Скарсдейле» и фото женского трупа на пороге оранжереи. – Полиция считает, что это не убийство, а самоубийство после полового акта. То есть даже без насилия!

– Но тогда это совсем глупо! Выполнить заказ, за который он мог получить две тысячи, а взять только семьсот и сбежать! За такую чистую работу ему можно было даже добавить! И главное, у меня есть новый заказ! Ты уже сообщил в Москву?

– Еще бы! Они теперь встречают каждый рейс из Нью-Йорка, а мои ребята дежурят тут, в аэропорту. Но я не думаю, что он там появится.

– Н-да... – Лонгвэлл постучал пальцами по крышке стола. – Что мы имеем? В Москву он не полетит. А тут куда ему деваться? Он знает английский?

– Откуда? Русский валенок!

– Вот это самое ужасное. Семь сотен он спустит за несколько дней, а потом захочет что-то украсть и погорит на ерунде. А у него документы твоего Натана. Кто получал по почте мои заказы? Ты или он?

– Натан, конечно. Неужели я буду заниматься такими мелочами? Он получал твои пакеты, восемьдесят кусков отдавал мне, а двадцать был его бюджет на выполнение заказа.

– Значит, как только полиция возьмет этого Николая, они выйдут на Натана! – ужаснулся Билл и забежал по кабинету. – Это ужасно! Я влип! Боже, как я влип!

– Сядь, – приказал гость. – Сядь и успокойся. – Они от Натана ничего не узнают.

– Это я уже слышал пять лет назад! – почти закричал Билл. – «Никто ничего не узнает!» И – нате вам! Нет, если полиция возьмет твоего Натана, он запоем у них в первый же день!

– Покойники не поют.

– Что?

– Покойники не поют, – повторил посетитель. – Натан вчера ночью утонул в Канарси. Это стоило 10 кусков, поэтому я сюда и пришел. Ты должен принять участие в расходах. Эти десять кусков, плюс я держу людей в аэропорту имени Кеннеди, плюс еще всякая мелочь... С тебя пятьдесят тысяч.

– Но это несправедливо! Прокол произошел на твоей стороне. И ты еще хочешь заработать на этом!

Лицо посетителя замкнулось, словно на него надели маску. Он покрутил платиновое кольцо на руке, потом сказал холодно:

– За пять лет ты получил ровно четыре миллиона. А я – на двадцать процентов меньше. И неизвестно, сколько мне будет стоить найти этого засранца. Ты будешь платить свою долю расходов или?..

– Буду! Конечно, буду! – испуганно сказал Билл Лонгвэлл. – Но вы должны найти его раньше полиции!

– Попробуем, – уклончиво сказал посетитель. Его звали Зиновий Блюм, а меж своих – Зяма Блюм, «король» Брайтона. И весь Брайтон знал, что он не любил давать пустых обещаний.

Машина была бежевая, старая и большая – «плимут». Николаю сразу не понравилось и то, как она стоит на прибрежном откосе – все четыре двери нараспашку, и то, что пятилетний пацан лазает в ней, а мать его – ноль внимания, загорает, сука, на пляже с книжкой в руках. Но что он мог ей сказать? Если бы еще по-русски, то он, может, и сказал. А как сказать: «Смотри,

чтобы твой пацан с тормоза не снял случайно!», когда он ни одного из этих слов по-английски не знает?

Поэтому Николай лег неподалеку на теплый валун, нависающий над морем, снял пиджак и рубашу, сунул их под голову и стал загорать, поглядывая сверху на пацана и машину. Ну а если честно – то не столько на пацана, сколько на его мать, конечно. Потому что мать – такая клевая рыжая телка, каждая грудь по пуду, лифчик только на сосках держится, а задница – как у молодой кобылы и уже загорелая, хотя всего-то конец апреля.

Николай, еще когда шел по тропе над пляжем, увидел эту задницу и чуть не споткнулся. И пошел на нее, как бык на красный лоскут, только через минуту опомнился, что это же не Подлипки и не Клязьма, а Бостонский залив. И красиво, падла, – как в кино! Когда в Москве пошли западные фильмы, он нагляделся всяких американских пейзажей, но кто ж не знает, что в кино все врут! Разве мог он представить тогда, что сам окажется в этой красоте – чаши пустынных пляжей в окружении гранитных валунов и на фоне офигительных яхт и скайтеров, шастающих по зелено-синему заливу на досках с разноцветными парусами. На взлобье высокого берега – роскошные особняки, дачи, рестораны, пиццерии, «мерседесы», «линкольны», йодистый запах океана, а в гаванях – рыбацьи катера с решетчатыми ловушками на крабов, а в чаше одного из пляжей, как жемчужина в раковине, – эта загорелая задница!

И он – здесь! Он прибыл сюда еще вчера и почти случайно. Когда в грузовичке Натана кончился бензин, он загнал его с дороги в лес, снял номера и сунул их ребром в землю, присыпал прошлогодней листвой и пошел по шоссе на северо-восток – просто так, наобум, лишь бы двигаться.

Через двадцать минут рядом остановился грузовик с надписью «KRAFT», и черный гигант-шофер крикнул ему что-то из кабины. Николай не понял ни слова, но залез в кабину и сказал:

– Сэнкью, мистер.

Черный посмотрел на него с удивлением, но тронул машину, и они поехали. В кабине гремел джаз, на джаз налезали какие-то голоса из крошечной рации. Негр опять что-то спросил у Николая, но Николай только беспомощно улыбнулся: «Не понимаю». Тут негр стал перечислять какие-то названия, а Николай из всего перечня уловил только одно знакомое слово «Бостон» и ухватился за него, закивал: «Бостон! Ага! Бостон!» Через полчаса он знал, что негра зовут Гораций, что он из Милуоки и что на следующей развилке он пересадит Николая на трак – грузовик, идущий в сторону Бостона, а сам попилит в Канаду, в Монреаль.

И к вечеру, сменив два грузовика, Николай, с головой, раскалывающейся от пяти часов бесплатной практики в английском, оказался на перекрестке 95-й и 128-й дорог, под указателем с надписью «Rebody». К этому времени он уже придумал себе легенду, что добирается в Бостон к сестре, которая почему-то не встретила его в аэропорту, и четко усвоил, что Америка – страна доверчивых фраеров, которые и подвезут, и угостят сэндвичем и кофе, и поверят каждому твоему слову, даже если не поймут его, и еще дадут тебе на прощание свой телефон и адрес.

Переночевал он в мотеле «Motor Inn» – точно таком, как вчерашний возле Нью-Йорка, и это стоило аж двадцать долларов!

Но зато никто не спрашивал у него документов, а просто он отдал двадцатку и получил ключ от комнаты, в которой были телевизор, душ, мыло, чистое белье, Библия и залетный запах морского ветра.

А утром он вернул ключ, пошел на этот морской запах и, съев по дороге два куска пиццы по «доллар-твэнти», к полудню был уже здесь, в этом райском заливе. Конечно, надо было решать, что делать, где-то и как-то устраиваться, но пока у него были деньги, он откладывал эти заботы. Он ушел от Натана, у него есть документы, и он никого не убил. Он чист в этой

стране, а его виза истекает лишь через месяц. Можно позагорать на пляже, подышать океаном и поглазеть на эту роскошную задницу. Надо бы и туфли снять, чтоб ноги подышали...

Он не заметил, как уснул под теплым солнцем, а проснулся от всплеска воды и истошного женского крика:

– Хэлп! Хэлп! Джонни!!!

Он рывком сел на камне, и ему хватило мига, чтобы понять, что случилось. Этот пацан таки сдернул ручку тормоза, и машина скатилась с откоса, рухнула в воду и теперь быстро тонет передком вниз. И в машине – этот шкет! А эта жопастая дура бежит вдоль берега и орет скайтерам «Хэлп!».

Он вскочил, пробежал по валуну к обрыву и, не снимая ни брюк, ни туфель, прыгнул в воду.

Ледяная вода обожгла разгоряченную кожу, но ему некогда было думать об этом, он только успел в нырке сбросить туфли и тут же направил свое тренированное тело вперед, к тонущей машине, но перед самой машиной вынырнул, потому что вода в этом красивом заливе оказалась такой грязной – руки своей не увидишь.

«Плимут» был справа от него и теперь торчал из воды одним лишь багажником. Николай схватил воздух и снова нырнул, целясь в заднюю дверцу машины. Сраные капиталисты, надо же так воду испоганить! Не видать ни черта! И дышалка кончается...

Но он успел нащупать этого пацана, схватил его за волосы и, оттолкнувшись от машины ногами, дернул мальчишку наверх, как выдергивают морковку из грядки.

А еще через минуту он сидел над этим пацаном на пляже, на песке, и делал ему искусственное дыхание по всем правилам, каким выучился еще в московской школе КГБ.

Рядом стояла толпа скайтеров, а жопастая мать мальчишки молилась своему американскому Богу:

– God! Save him! Save him! Please! I'll do anything!⁶

После шестого принудительного вдоха мальчишку вырвало водой прямо в лицо Николаю, и он задышал, а мать бросилась перед ним на колени и стала рыдать:

– Johnny, sorry! Johnny, excuse me!

А по склону откоса уже катили вниз машина полиции, техничка с лебедкой и микроавтобусик местного телевидения с надписью «North Shore TV News».

Через час в доме пятилетнего Джонни и его матери Лэсли Николай, сидя босиком и в просторных джинсах Лэсли, увидел себя по телевизору – как на пляже он пытался уйти от фотографов и телеоператоров, как Лэсли догнала его, схватила за руки и стала целовать их и как ведущая теленовостей, стоя рядом с ними, говорила что-то насчет «рашен хироу». Но все это было мурой, а вот туфли было жалко. Правда, эта рыжая Лэсли сказала, что, как только высохнут его брюки (она сунула их в стиральную машину, потому что они были в разводах какой-то морской мути), она поедет и купит ему «шуз», туфли, – «хау мач ит кост?». Он вспомнил, что Натан заплатил за эти туфли полсотни, но пожалел Лэсли и показал на пальцах, что тридцать. «Thirty, – перевел его Джонни и стал учить Николая английскому: – Сети! Сэй ит: сети!»

Тут «техничка» приволокла ее «плимут», Лэсли воскликнула: «Oh, my God!» – и выскочила во двор. Николай и Джонни вышли за ней. С первого взгляда Николай понял, что никуда она не сможет поехать ни сегодня, ни завтра: вся машина была по руль в морской тине и грязи. Густая черная жижа сочилась из-под капота.

– O my God! – снова сказала Лэсли, села на ступеньку крыльца и заплакала.

– Sorry, mam, – сказал ей молодой водитель «технички», отцепляя трос. – Sixty dollars. Cash only.

⁶ Боже, спаси его! Спаси его! Я все сделаю, только спаси! (англ.)

– I don't have cash. Check... – всхлипнула Лэсли.

– No, mam. Cash only, – жестко сказал водитель и перестал отцеплять трос.

– Момент! – вдруг сказал ему Николай. – Момент!

И, изумляясь сам себе, вернулся в дом и вытащил из своего пиджака, висевшего на стуле, кошелек с деньгами.

Пользуясь садовой поливалкой и лампой-переноской, они закончили мыть машину лишь к полуночи, но ведь нельзя же было оставить эту грязь до утра – все бы засохло.

Лэсли вкалывала не меньше Николая – мыла кабину, а он занимался только двигателем, и где-то за полночь, когда она вытерла сиденья сухой тряпкой, он сел за руль и, волнуясь, как на экзамене, повернул ключ зажигания. Но двигатель завелся тут же, с пол-оборота, и замурлыкал, как сытый кот.

– Хуррэй! – закричала Лэсли негромко, поскольку окна спальни Джонни были совсем рядом. – Ю а'грейт, Ник! Сэнк ю! Ду ю вона трай? Драйв ит! Кэн ю драйв автоматик?

Он вдруг обнаружил, что различает слова, – не кашу из звуков, как раньше в разговоре с водителями грузовиков, а отдельно каждое слово и даже как бы в русских звуках. Вот что значит иметь дело с учительницей – Лэсли произносила каждое слово отдельно и внятно, как на уроке в школе, где она вела второй класс. Хотя не столько по ее словам, сколько по жестам он понял, что она хочет, чтобы он попробовал машину на ходу.

Он никогда не водил «автоматик», и его левой ногой было сиротно без педали сцепления. А когда он перенес правую ногу с тормоза на педаль газа, машина не тронулась, сколько он ни газовал. Лэсли засмеялась:

– Вэйт! Хир вы а'! – И перевела ручку скоростей на букву «D».

Тут машина дернулась, он испуганно ударил ногой по тормозу, а Лэсли, стукнувшись головой о стекло, опять засмеялась:

– Донт ворри! Ай эм о'кей! Гоу! Драйв ит!

Через минуту он понял, что вести «автоматик» проще пареной репы, а еще через пару минут они выехали из ее темной улицы с одноэтажными домами на широкое шоссе вдоль пляжей. Лэсли повернулась к нему:

– Ю а' а гуд мэн, ю ноу? Ю сэйв ми Джонни энд ю сэйв май кар. Нау из май торн. То зэ бич!

– Zachem? Why? – по-русски спросил Николай, удивляясь, как он понял, что она хочет, чтобы он свернул к пляжу.

– Бикоз! – сказала она. – Мэйк э торн...

Он сбавил скорость и медленно свернул на каменистую площадку над пляжем, залитым ночным прибоем. Сияющая лунная дорожка уходила вдаль по темному заливу, и там, вдали, были огни Бостона.

– Грейт! Торн ит оф! – сказала Лэсли, сама перевела ручку скоростей на «parking» и выключила двигатель.

Стало совершенно тихо, только снизу доносились всплески ленивых волн.

– Ноу... – сказала Лэсли и посмотрела ему в глаза. – Ай вона мэйк лав ту ю. Кэн ай?

И, не дожидаясь ответа, поцеловала его в губы. И от этого поцелуя он закрыл глаза. Он, Николай Уманский, профессиональный убийца, «врожденный садист» и насильник, закрыл глаза и поплыл от первого поцелуя этой рыжей американки Лэсли.

Потому что таких теплых, мягких и нежных губ он не знал в своей жизни. Может быть, так нежно матери целуют своих детей?

– Но! Ю донт мув. Ю донт мув этолл! – приказала она, удерживая его руки и не давая ему шевельнуться. И, откинув спинку сиденья, медленно раздела его, целуя своими полными губами каждый сантиметр его плеч, груди, живота и даже ног.

Он лежал с закрытыми глазами, не шевелясь и не двигаясь и только ощущая совершенно неизвестное ему прежде блаженство не насилия, не траханья, не секса, а – любви. Лэсли любила сейчас его тело, каждую его часть – любила его живот, лобок, пах, мошонку и вознесшийся в космос пенис. Она не дрячила его пальцами, как московские проститутки, не сосала и не заглывала, а именно любила, голубила своими губами, языком, нёбом.

Он забыл свой утренний кобелиный восторг по поводу размера ее зада и сисек, он даже не заметил, когда она разделась, а только ощутил, как она накрыла его своим теплым и мягким телом – как мать накрывает одеялом ребенка.

И как ребенок ощущает материнскую грудь приоткрытыми губами, так он ощутил вдруг губами ее сосок, и открыл губы, и принял грудь, и засосал ее совсем по-детски, испытывая – наконец-то! – то теплое блаженство ребенка, которое обошло его при рождении 42 года назад в Коми АССР, в лагерной больнице.

И вдруг – импульс хрипа и слез, неожиданный даже для него самого, сотряс его тело. Словно из пещерной глубины его души изверглось все звериное, дикое, кровавое, злое, садистское – то, на чем держалась его профессия и его проклятая жизнь.

– Вотс ронг?⁷ – испугалась Лэсли и замерла на нем.

Он не отвечал.

Расслабившись под ее мягким и теплым телом, он беззвучно плакал.

И она, американка, баба с совершенно другой планеты, каким-то общеженским чутьем угадала, что это хорошо, что пусть поплачет.

– Итс о'кей, – сказала она. – Итс о'кей, Ник. Ю кэн край...

Она высушила губами его слезы, а потом опять поползла по его телу вниз, снова целуя каждый миллиметр его тела.

Две недели спустя белый «линкольн-континенталь» Билла Лонгвэлла мчался из Манхэттена в Бруклин. Как многие американцы, Билл был патриотом и ездил только на американских машинах. Он миновал «близнецов» – два серебристых куба Международного торгового центра, один из которых после недавнего взрыва террористами был еще окружен машинами ремонтников, потом нырнул в Баттери-туннель, потом выскочил на мост-виадук, свернул на Бэлт-парк-уэй и погнал на юг вдоль серебристого Гудзона.

Стоял роскошный майский день, по Гудзону плыли нефтеналивные баржи, паромы с туристами и спортивные яхты. За ними в солнечном мареве парила маленькая зеленая статуя Свободы.

Под указателем «Ocean Park Way» белый «линкольн», накрываясь на скорости 60 миль в час, вышел с шоссе, промчался вниз по авеню еще три квартала и свернул налево, под виадук сабвея-надземки, похожего на клавиши гигантского ксилофона. Но здесь Биллу пришлось сбавить скорость – по мостовой, лежавшей под опорами надземки, машины и пешеходы сновали, не соблюдая никаких правил движения: автомобили парковались и разворачивались как хотели, а люди переходили улицу где им вздумается или вообще останавливались посреди мостовой – просто поговорить.

На тротуарах стояли лотки с русскими матрешками, косметикой, дешевой обувью, кассетами, коробками конфет, банками с русской икрой.

А вывески магазинов, написанные хотя и по-английски, звучали странно: «GASTRONOM «STOLICHNY», «CAFE «ARBAT», «PIROGI», «WHITE ACACIA», «RESTAURANT «PRIMORSKY», «ZOLOTOY KLUCHIK», «GASTRONOM «MOSCOW»...

⁷ Что не так? (англ.)

Перед Биллом был знаменитый Брайтон – район, заселенный русскими эмигрантами, но Биллу некогда было любоваться этой экзотикой. Он опустил стекло в окне и нетерпеливо спросил прохожего, тащившего тяжелые сумки с овощами:

– Excuse me. Where is «Sadko» restaurant?

– Gavari pa russki! – прозвучал странный ответ.

– Restaurant «Sadko».

– Ah! «Sadko»? – Мужчина поставил свои сумки на мостовую и показал за угол: – Za uglom! Understand?

– Thanks. – Билл тронул машину и тут же ударил ногой по тормозу, а рукой – по гудку, потому что две толстые бабы устроили совещание прямо перед капотом его машины.

Однако через пару минут, гудя, тормозя и дергая машину короткими рывками, он все же добрался до двери с вывеской «Restaurant «SADKO», оставил свой «линкольн» под знаком «NO PARKING» и вошел в ресторан. Здесь, в крошечном тамбуре-вестибюле, ему тут же преградил дорогу верзила-«дормэн» лет сорока, с косой челкой, двумя стальными зубами и татуировкой на левой руке:

– Zakryto! Close!

– It's okay, – сказал ему Билл. – I need to see Mr. Blum. – Мне нужен мистер Блюм.

– Ego net. No Blum.

Но Билл был уверен, что верзила врет.

– Bullshit! Tell him: my name is Bill Longwell. No! Give him my card. – И Билл, усмехнувшись, дал ему свою визитку.

Верзила неохотно взял визитку и в сомнении посмотрел на Лонгвэлл. Совсем как пару недель назад секретарша Лонгвэлл смотрела на мистера Блюма в приемной «Nice, Clean & Perfect Agency». Однако Билл, бывший агент Интерпола, хорошо знал такие лица.

– Come on! – властно сказал он. – Do it!

Верзила, выражая фигурой сомнение, скрылся за зеркальной дверью зала ресторана.

Билл достал из кармана платок, вытер вспотевшую шею и огляделся. Стены вестибюльчика были увешаны выцветшими плакатами с лицами эстрадных певцов и певиц.

– Welcome. Zachodi! – прозвучал голос верзилы, и в открытую теперь настеежь дверь Билл увидел полутемный и прокуренный зал. Посреди зала, за столиком, сидели Зиновий Блюм, какой-то рыжий бородач лет тридцати пяти и еще двое мужчин. Они играли в карты, а на столе перед ними были пепельницы, полные окурков, и пачки долларов. При виде стремительно приближающегося Билла Блюм предупредительно поднял палец:

– One moment!

Затем он открыл свои карты и в досаде швырнул их на стол.

– Shit! – выругался он и повернулся к Биллу: – What happened? Take a seat.

– Я должен поговорить с тобой один на один! – по-английски сказал Билл.

– О'кей. – Блюм жестом отпустил своих партнеров. – Садись.

Билл сел и, как только трое картежников удалились в глубину ресторана, положил перед Блюмом сложенную вчетверо газету. На ее лицевой стороне была видна фотография.

– Что это? – спросил Блюм.

Билл ткнул пальцем в фотографию:

– Смотри. Это твой человек. Николай Уманский. «Русский герой».

– Неужели?! – весело изумился Блюм и взял газету.

Действительно, на фотографии, на фоне какого-то пляжа, стоял босой и полуголый Николай Уманский со спасенным им мальчишкой и его матерью. Большая статья под названием «Russian Hero Save a Boy's Life» подробно описывала это героическое спасение.

– Что это за газета? – спросил Блюм.

– «North Shore News». Маленькая местная газетенка под Бостоном. Выходит раз в неделю.

– А как ты ее нашел?

– Очень просто. Все наши газеты публикуют полицейскую хронику, особенно местную. Две недели назад, как только ты ушел от меня, я заказал в «клипс-сервис» всю такую хронику, связанную со словом «Russian». И на всякий случай все, что будет опубликовано про персону по имени «Umansky». Это же Америка, Зиновий, у нас все на компьютерах. Час назад я получил эту газету, позвонил в редакцию и выяснил, что твой герой живет у этой мисс Лэсли Шумвэй. А ее адрес дала мне справочная: 22 Пайн-стрит, Марблхэд. Райское место, кстати. Там высадились первые британские пилигримы. Ты будешь вызывать человека из России для этой работы? Или сам справишься?

Блюм внимательно посмотрел на Билла. Его лицо замкнулось, он сказал холодно:

– Это не твое дело. – Потом покрутил перстень на руке: – Тебе это будет стоить еще десять косых. Или – нового заказа.

– Что ты имеешь в виду?

– Прошлый раз ты сказал, что получил новый заказ.

– Да. Но в такой ситуации...

– Решай, – сказал Блюм. – Или еще десять косых за этого Уманского. Или мы делаем эту работу сами, а ты даешь мне новый заказ. Как?

Николай и его учитель английского пятилетний Джонни ехали верхом по лесной тропе, посыпанной древесной щепой и стружкой специально для конных прогулок. Малыш отлично сидел в седле, словно родился в нем, что почти так и было, поскольку его дед и бабка держали на северной окраине Марблхэда конюшню с дюжиной своих лошадей и еще дюжиной чужих, за постой которых им неплохо платили. А Николай болтался на лошади без всякого шика и постоянно терял стремена, отчего Джонни заливисто хохотал на весь лес. Но Николай все равно чувствовал себя английским принцем. Джонни показывал на деревья, небо, облака и говорил: «sky», «clouds», «there are clouds in the sky», а Николай повторял за ним с жестким русским «р» и «з», но малыш, как истинный сын своей матери – школьной учительницы, терпеливо исправлял:

– No! Not «zer ar», silly boy! Say: «there a'»... Нет, не «зер ар», глупый мальчик! Скажи: тсэ а'...

– Ю а' силли, нот ми! – обижался Николай.

– Oh, good! You speak good English! Repeat after me: there a'...

И вообще у них с Джонни с первого дня сложились прекрасные отношения. Поскольку в детстве у Николая не было никаких игрушек, он теперь запоем играл с Джонни его фантастическими самолетиками, кораблями, монстрами и «суперменами», которые трещали и стреляли лазерными лучами, водой и цветными желе. А во-вторых, Николай был прекрасным предлогом для Джонни часами смотреть телевизор: Лэсли считала, что детские передачи – лучшие учителя английского, в них на все лады и десятки раз повторялись одни и те же песенки и считалки.

Короче, жизнь у Николая была – лучше не загадаешь! С восьми утра и до трех дня, пока Джонни был в детском саду, а Лэсли учительствовала, он возился по дому – поливал и стриг траву во дворе, укрепил забор, починил гаражную дверь и желоба водостока на крыше, а в подвале обернул теплоизоляционной ватой трубы отопления, которые шли от котла совершенно голыми, из-за чего у Лэсли нагорало зимой под тысячу долларов за солярку. А кроме того, кухарничал: готовил борщи, гуляши и капустные солянки по рецептам того самого ресторана, в котором последние полгода просидел охранником... Благо, продуктов в этой Америке – завались, в магазинах полки ломаются. Когда Лэсли первый раз привезла Николая в супермаркет,

ему просто плохо стало. И не потому, что он не представлял себе ТАКОЕ количество продуктов – сыров, колбас, мяса, овощей, фруктов, круп, рыбы, напитков, булок, джемов, сладостей, приправ, кефиrow и так далее, а из-за смертельной обиды: почему у них все есть – чистое, мытое, свежее, красивое и навалом, а в России – нет. Why? Ведь люди такие же! Ни лицом, ни глазами, ни фигурами – ничем они не лучше наших, русских. Ну – ничем абсолютно! Взять хотя бы эту Лэсли – ну, школьная учительница. И все. А у нее машина, домик, участок. Правда, дом от родителей. Но ведь у русских учительниц есть родители, а домов от них нет.

Хотя, если честно, такой учительницы Николай в России не встречал. Если днем, при Джонни, она была само Его Величество Просвещение, читала сыну (и Николаю) невинные сказки про Питера Пэна и Винни-Пуха и с мужеством Жанны д'Арк ела русские борщи и макароны по-флотски, говоря Николаю «сэнк ю, итс риали гуд!», то по ночам она обращалась в бешеную и развратную любовницу. Конечно, Николай еще в России слышал, что нет баб развращенней школьных учительниц, но там ему не пришлось их попробовать, это был не его круг. Зато здесь, под Бостоном...

Лэсли всегда тщательно мылась на ночь и заставляла Николая бриться и принимать душ перед постелью, а затем ее жаркий, жадный и верткий язык вылизывал его всего – от ушей до анального отверстия. О, анальное отверстие – это было ее коронкой! Когда ее язык добирался до этой заветной точки и начинал там свои томительно-вращательные движения, Николаю казалось, что эрекция вздымает его под облака, и он рвался к главному блюду – всадить, утопить свою возбужденную плоть в ее влажно-горячей расщелине.

Но Лэсли не спешила с главным блюдом, о нет. Она ложилась на Николая валетом – так, чтобы ее рот принял его в себя до корня и даже дальше, до горловых хрящей. И когда ее нижние губы оказывались как раз над его ртом...

Как это произошло? Как и почему он впервые взял губами эти мягкие теплые створки?

Если бы в юности, в лагере, в зоне, кто-нибудь сказал ему, что он будет целовать, лизать и высасывать ЭТО (и день ото дня это будет нравиться ему все больше!), то за такое оскорбление Николай просто обязан был бы убить.

В русском языке, при всех его великих писателях от Толстого до Чехова, даже нет слова, обозначающего этот сексуальный изыск. Как, впрочем, нет и массы других слов для названия любовных ласк даже самого обыденного характера. Например, невозможно сказать «I want to make love to you» без употребления грязных слов.

За две недели жизни у Лэсли Николай, привыкший видеть в сексе только удовлетворение похоти или то, что по-русски называется коротким и мрачным словом «yeblia», вдруг открыл совершенно иные, неизвестные ему вершины и глубины секса. И оказалось, что то, что он всегда считал главной и единственной целью – засадить и отхарить, было хотя и важным, но последним делом, блюдом на закуску.

Зато когда они заканчивали с целым курсом Лэслиных «блюд», как он угощал Лэсли такой закуской! Это уже была его коронка, не ее! Он доводил ее этой коронкой до слез, до стоны, до хрипа, до крика о пощаде. Но он не знал в этом пощады, нет! Терзая ее сладкую грудь и разламывая ее пудовые ягодицы, он чувствовал себя русским богатырем, вооруженным могучей палицей в сражении с чужеземной силой. И привычные, грязные слова аккомпанировали каждому его удару: «Вот те, bliad! Вот те, kurva! Так те хорошо, paskuda?»

Лэсли заучивала эти слова совсем не ругательно, а как-то нежно, любовно. И вообще, кайф жизни Николая у Лэсли был не только и не столько в сексе, а в том удивительном состоянии райского покоя и домашности, который царил и в ее одноэтажном домике, и вокруг него, в этих зеленых и сонных городках-поселках вдоль Бостонского залива. Словно не было в мире ни Москвы с ее холодами, чеченской мафией и ожесточенной нищетой, ни Боснии, ни прочих мерзостей. То есть они были, конечно – раз в день на пятнадцать минут в программе иностранных теленовостей, – но виделись отсюда, из Нового Света, как в перевернутый бинокль, как

что-то очень далекое, на другой планете. А все остальное время люди были заняты сами собой – своей работой, семьей, детьми, машинами, яхтами, травой на участке. Как марсиане...

И он, Николай Уманский, стал теперь одним из них. Он и думать забыл о своей прежней жизни, о своей папке в гэбэшном сейфе и всех тех диссидентах, адвентистах и самиздатчиках, которых он... Да что там вспоминать! То была его работа, но в другой, совершенно нездешней жизни. А теперь, здесь, он, блаженствуя, ехал верхом на спокойной кобылице Риски, повторяя за учителем Джонни английские слова и думая о том, что Лэсли, кажется, не прочь выйти за него замуж, он это нутром чувствует. Да и как тут не чувствовать этого, когда она и ночью, и днем – вся его, без остатка. А ему о такой жизни и не мечталось – сдобная американская баба, и этот пацан замечательный, и дом, и машина! Только расписаться с Лэсли – и он уже американский гражданин и сможет работать где душе угодно – хоть на конюшне у родителей Лэсли, хоть автомехаником в любой мастерской. Да, повезло вам, Николай Иванович, подфартило так, что душа поет...

– Someone is waiting for us, – сказал Джонни, сворачивая с лесной просеки на Пайн-стрит, к своему дому.

– Самван из вэйтинг фор ас, – автоматически повторил Николай и только в следующий миг увидел за кустами, возле дома Лэсли, этот маленький желтый мини-автобус с надписью «Construction» и двух жлобов, которые стояли у его открытого капота. Один из них – рыжий бородач, а лица второго Николай не видел, но оба они были не американцы – это Николай опознал с первого взгляда, хотя, казалось бы, все на них было американское – и куртки джинсовые, и даже кроссовки.

И холодные судороги сжали Николаю желудок, он резко пригнулся, словно в него уже выстрелили, и рухнул с лошади.

– What happened, Nick? Что случилось? – испугался Джонни. – Are you okay?

– Тсс, Джонни! Тихо! – сказал Николай задуманным голосом, взял под уздцы коня Джонни, повернул его и торопливо повел обеих лошадей назад, в лес, оглядываясь сквозь кусты на этот грузовичок и двух мужчин возле него.

– Why? What happened? – спрашивал Джонни.

– Тсс! Потом! Лэйтэ! – Николай еще не знал, как объяснить мальчишке, что случилось, а только спешно и даже как-то трусливо-спешно уводил пацана подальше в лес, который узкой полосой тянулся вдоль западной окраины Марблхэда прямо к конюшне деда Джонни. Страх, и не просто страх за себя, нет, впервые в жизни он ощутил холодный и трусливый страх за жизнь кого-то другого – этого Джонни и его матери. Что делать? Конечно, он может отвести Джонни к его деду и взять у того карабин – у старика штук пять охотничьих карабинов просто на стенах висят. Но дальше-то что? Вернуться и пристрелить этих паскуд, которые приехали по его душу? И что? И сесть за это в американскую тюрьму – ради этого он сюда приехал? А если даже не сесть, а сбежать – то куда? Назад в Россию путь заказан. И вообще – устраивать перестрелку перед домом Лэсли?

Но как же быть, Николай Иванович? Если эти суки узнали его адрес, они уже не слезут отсюда. А он не может подставлять им ни Лэсли, ни этого пацана. Не для того он спасал его, черт возьми!

– Nick, what's happened? Tell me! – настаивал Джонни.

Но Николай отмалчивался. Господи, что за сучья жизнь! Только-только он начал жить как человек, и – кранты! И даже пацану нельзя объяснить, что случилось...

Лэсли приехала в отцовскую конюшню по его телефонному звонку. Убедившись, что за ней нет хвоста, Николай вышел из-за конюшни и подошел к ее «плимуту». Как он и просил по телефону, она привезла в пакете его пиджак с документами и деньгами. Но лицо ее было отчужденно-замкнутым.

– Can you tell me what happened?

Может ли он сказать ей, что случилось? Нет, конечно. Он просто должен уйти.

– Но. Ай хэв ту гоу. Совсем. Фор эвер. Сорри.

– You are paskuda, – вдруг сказала она.

– Йес. Ай эм.

– You are bliad!

– Йес.

– Kurva!

– Йес.

– I love you!

– Сорри. Ай хэв ту гоу. – Он повернулся и пошел прочь, потому что больше не мог этого выдержать.

– Nick! – крикнул Джонни.

Николай заставил себя не оглянуться. Чем резче он оборвет все, тем лучше для них. Когда эти брайтонские жлобы подвоят к ним, чтобы узнать, где он, Лэсли и Джонни отошлют их самым натуральным образом и с такой злостью, что тем уже не будет смысла возвращаться к ним снова. Может, они еще посидят на этом доме, покараулят или вернутся сюда через пару недель, а то и через месяц, но трогать Джонни и Лэсли им будет ни к чему, без толку. Николай Уманский – «paskuda, bliad, suka» – ушел, бросил их, исчез неизвестно куда.

Он вышел на хайвэй и поднял руку проносившемуся мимо грузовику. И хотя этот грузовик промчался не остановившись, он был уверен, что рано или поздно кто-нибудь подберет его. Америка добра.

Но Америка оказалась не добра и не зла, а – безразлична. Он простоял на дороге полтора часа, а потом пошел по обочине на запад, за заходящим солнцем, и ни одна из сотен машин, которые проносились мимо, даже не притормозила рядом с ним. Это разозлило его – он еще не знал, что в этой стране у каждого есть, как правило, лишь один шанс. Он был уверен, что за каждым поворотом дороги Америка будет подставлять ему себя, как Лэсли или та американка с «паркинсоном». И он шел по обочине, согревая себя сигаретами и злостью. Злостью на Россию, на брайтонских жлобов и вот теперь – на Америку. Какого хрена ни одна американская сука не хочет его подобрать? Эй вы, факинг американс! Да остановитесь же кто-нибудь, мать вашу в три креста! Нет, летят мимо...

В ту ночь в окрестностях Бостона было зарегистрировано среди прочих несколько странных преступлений. В Либоди и Линфилде кто-то разбил витрины супермаркета «Star» («Звезда»). В Берлингтоне были с корнем вырваны из тротуара автоматы газеты «Boston Globe», которая в этот день поместила на первой полосе фотографию Ельцина. В Ньютоне был не то ножом, не то отверткой изуродован огромный портрет Ленина на рекламном щите водки «Российская», который гласил: «Now that the party's over, let the party begin!» – «Теперь, когда с партией покончено, начнем вечеринку!» А на рассвете в Дэдхэме полицейский патруль арестовал четырех черных подростков, вооруженных ножами и пытавшихся ограбить русского туриста, спавшего на тротуаре возле ночного бара «Sunset». Хотя одному из грабителей этот турист сломал руку, полиция сочла это самозащитой, и русский был на патрульной машине доставлен к автобусной станции, откуда по совету полицейских отбыл первым же автобусом.

Автобус шел на северо-запад, в Буффало, к этой вечной бросовой яме погоды у границы с Канадой. Проспав пять часов в мягком кресле, Николай проснулся и обнаружил за окном серую пелену дождя, которая затягивала скоростное шоссе, леса, цветные рекламные щиты и очертания окрестных плоскокрыших городков. Куда он едет? На кой shit ему какое-то Буфф-

фало и вообще вся эта новая маета, когда в райском Марблхэде остались баба и пацан, которые его любят и которые стали его семьей? Всего две недели назад он открыл для себя, что, оказывается, истинный кайф жизни вовсе не в том, чтобы гужевать, гудеть, зикать, кирять, кантоваться и бросать палки по пьяни или силком. Оказывается, играть с пятилетним пацаном в «морской бой» или даже просто ждать кого-то к обеду – уже радость! А если этот «кто-то» еще и хорошая баба, то – о чем говорить! Накормить ее вкусной едой, а ночью сделать ей такую любовь, чтобы утром она пела на кухне, готовя ему кофе, – что еще нужно в жизни? Строить коммунизм? Завоевывать Афганистан? Свергать Ельцина? Да пошли они все!..

Но как же он мог отдать это все, бросить и сбежать? Он, Уманский, который дважды зону прошел, а потом еще школу ГБ, а потом Афган и Приднестровье, – слинял перед какими-то жидами-эмигрантами с Брайтона? Да в гробу он их видел!

Он огляделся. В автобусе было восемь пассажиров – шесть черных баб и пара смуглых студентов с рюкзаками, испанцы или кубинцы. Они не то спали в обнимку, не то целовались взад, а потом ушли в конец автобуса, исчезли там за узенькой дверью, и буквально через секунду оттуда стали доноситься гулкие и все учащающиеся удары, которые немедленно привели черных баб в веселый восторг. Затем студенты появились из-за дверцы, он – усталый, с опущенными плечами, а девчонка сияла, как новая монетка, и влажным язычком облизывала свои красные губки. Черные бабы заплодировали и, пока эта молодая пара шла на свои места, похлопывали парня по спине: «You are good! You are really good! Are you taking orders?»

«Туалет там, что ли?» – подумал Николай и прошел в конец автобуса, открыл узкую дверцу. Действительно, там оказалась крохотная, как пенал, кабинка с красивым унитазом и раковиной умывальника величиной с ладонь. Удивляясь, как эта пара смогла втиснуться сюда да еще трахаться тут с таким гулким азартом, Николай заперся в тесной кабинке, чтобы пересчитать свои деньги. Но оказалось, что пересчитывать нечего. У него оставалось семь долларов и горсть мелочи. Он умылся под краником, вернулся на свое место и с трудом дождался очередной остановки. Сиракьюс. Билет до Нью-Йорка стоит 41 доллар, а до Бостона – 38. Он подошел к телефону-автомату, снял трубку и нажал кнопки так, как учил его Джонни: сначала цифру «1», потом «617», а потом семизначный номер. «Please, deposit two dollars and forty cents for the first three minutes», – тут же сказал автоматический женский голос, отчетливо чеканя каждое слово. Он ссыпал два доллара и сорок центов в прорезь для мелочи.

– Thank you, – сказал тот же голос и тут же сменился веселым голосом Джонни: – Hello!

Николай повесил трубку. Все в порядке. Пока все в порядке. Теперь нужно вернуться в Бостон и разобраться с этими ребятами Натана.

– Mister, are you coming?⁸ – сказал ему водитель автобуса.

– Но, сэнк'ю.

Водитель поднялся в автобус, закрыл двери и отчалил. А ведь знал, сука, что у Николая билет до Буффало, но – никакой реакции, не хочешь ехать – не езжай, ты свободный человек в свободной стране, и всем тут на тебя чихать.

Николай вышел из-под козырька автовокзала и пошел сквозь дождь к гудящему машинами скоростному шоссе. Но не успел он голоснуть и второму грузовику, катившему на восток, как рядом остановилась патрульная машина и молодой черный полицейский, ленясь выйти под дождь, крикнул ему из окна:

– Hey, get out of here! (Эй, отвали отсюда!)

– Ай эм рашен турист!

– So what? Get out or I'll lock your ass up! (Вали отсюда, или я суну твою задницу в тюрьму!)

Но это же свободная страна! И он хочет вернуться в Бостон!

– Ай хэв гоу Бостон! – сказал Николай.

⁸ Мистер, вы едете? (англ.)

– Fucking idiot, – проворчал полицейский. – Do you really want me to lock up your ass? (Идиот, ты что? Хочешь, чтобы я взял тебя за жопу?)

Николай посмотрел ему в глаза. Однако в шоколадных глазах полицейского не было никаких эмоций, кроме превосходства силы и власти. Что ж, он не станет связываться с этим негром. Если нельзя голосовать машинам, он пойдет пешком. Николай повернулся и пошел прочь от полицейского – на восток, по обочине дороги. Но через несколько шагов услышал сзади:

– Stop! Don't move! You are under arrest!

«Бля, – подумал Николай, поднимая руки. – Привязался же, сука!»

Крепкий захват запястья, выверт руки вниз... О, как просто он мог приемом боевого самбо кинуть этого негра через бедро и заодно ударом каблука сломать ему коленную чашечку! Но нет, он покорно расслабился, дал надеть себе наручники. Да и что он такого сделал? За что его мордой в полицейскую машину? И что этот негр ищет в его карманах? Ведь документы он бы и сам отдал...

Полицейский открыл его паспорт, сличил фотографию с оригиналом.

– Your visa expires in a week. Where are you going? (Твоя виза кончается через неделю. Куда ты направляешься?)

– Бостон. Ту май систер.

– But you have a ticket from Boston. To Buffalo. (Но у тебя билет от Бостона. В Буффало.)

– Ай гоу Бостон.

– So take the bus. Where is your money? (Так поезжай автобусом. Где твои деньги?)

– Но мани, – сказал Николай. – Ай вок. Пешком.

Ногами, понимаешь, сука. Ай вок ту Бостон пешком. О'кей?

– Absolutly not! – сказал полицейский, расстегивая наручники и возвращая Николаю документы. – You cannot walk to Boston.

– Вай? – изумился Николай.

– Because it's America, not Russia. You have to pay for the road, and all lands are private here. If you cross it, you'll be arrested or even killed. Understand? Now get out of my sight! (Потому что это Америка, не Россия. За дороги нужно платить, и вся земля частная. Если ты пересечешь, тебя арестуют. Или кокнут. Понял? А теперь вали с моих глаз!)

– Бат хау ай гоу Бостон? (А как же я попаду в Бостон?)

Но полицейский уже уехал, обдав его фонтаном воды с грязью.

Николай стоял под дождем, совершенно потрясенный. Ни хрена себе свободная страна, если никуда нельзя пойти пешком! Факинг капиталисты – все только за деньги! Даже дороги!

Ночью он мыл посуду в корейском ресторане «Golden Mandarin»⁹, что рядом с автобусной станцией. На кухне была жуткая духота, запах корейских приправ спирал дыхание, а руки разъедало какой-то едкой мыльной дрянью.

Три плотных корейца в грязных халатах колдовали у плиты над чанами с едой, и один из них, самый молодой – хозяин ресторана, – вкалывал больше всех и весело кричал Николаю по-русски:

– Хэй, епёный по голова! Бистро работай, бистро!.. Хэй, твой глаза косой, на кошка не наступай!.. Хэй, твой жопа с ручкой! Неси чистый посуда, кушать будем! – И со смехом переводил свои ругательства другим корейцам.

Он оказался бывшим студентом Университета Лумумбы и, компенсируя, видимо, свои московские унижения, взял Николая на работу за два доллара в час, еду и возможность демонстрировать корейцам свои познания в русском мате.

⁹ Золотой мандарин (англ.).

Впрочем, выбора у Николая все равно не было – к ночи полиция выгнала из автовокзала всех бездомных, и Николай, спасаясь от дождя, зашел в ближайшую забегаловку-ресторан, твердо решив из семи своих долларов потратить на еду только три. В ресторане головокружительно пахло жареной говядиной, но на три доллара Николаю насыпали в тарелку только два больших черпака риса с каким-то соевым соусом, на что Николай выматерился по-русски. И тут же услышал восхищенный ответ:

– What? Ты русски? Are you Russian?

Через час он уже мыл на кухне посуду, а утром Чу Бьен отвез его и остальных своих рабочих в какую-то конуру не то в китайском, не то корейском квартале, где в полуподвале обшарпанного кирпичного дома старая кореянка держала общагу корейских нелегальных эмигрантов: в трех крохотных комнатках стояли двухэтажные койки-нары, и на них посменно спали восемнадцать человек, оплачивая этот приют по пять долларов за сутки. Впрочем, на полу, на циновках, можно было спать за три доллара, и у этой кореянки можно было купить дешевые контрабандные сигареты и пиво...

Жизнь на дне и жизнь на вершине имеют одно общее качество: и там, и там денег катастрофически не хватает, а потому и на дне, и на вершине люди работают по четырнадцать и даже по шестнадцать часов в сутки, выжимая себя до немочи и до кругов перед глазами. И никакие профсоюзы не регламентируют рабочий день ни миллионера, ни уличного мойщика машин. Разница только в том, что на вершине за час зарабатывают суммы с нулями, а на дне – без нулей. Но при этом миллионер, заработав за день всего пару тысяч долларов, чувствует себя нищим и несчастным, а нищий, заработав за день двадцатку, чувствует себя миллионером и идет гудеть в пивной бар.

Чтобы собрать полсотни на билет до Бостона, Николаю нужно было проработать не меньше недели, однако чем больше он думал о возвращении к Лэсли, тем ясней становилось, что вернуться просто так и сказать: «Хай, ай эм бак!» (Привет, я вернулся!) – он уже не может. А если ребята Натана еще и дежурят там, то тем более.

Что же делать? Без денег – ни вырваться из этой сиракьюсской западни, ни купить оружие, чтобы разобраться с Натаном. А заработать несколько сотен мытьем посуды просто невозможно. Оставалось одно: грабануть что-то или кого-то. И сколько ни говорил себе Николай, что тут, в Америке, этого нельзя делать, что здесь он не знает самых элементарных правил и может влипнуть на первом же шагу, что даже местные тут прокалываются, и каждый день по телику показывают арестованных грабителей банков, почтовых отделений и ювелирных магазинов, – мысли его все равно возвращались к обдумыванию вариантов. Взять банк? Но нужно оружие и машина, чтобы смыться. Ювелирный магазин? То же самое плюс надо иметь концы, куда девать добычу. Ограбить прохожего? Но в этой стране и безработные ездят на машинах, и даже Лэсли, школьная учительница, не имела дома наличных, а держала все свои деньги в банке. Оставалось одно: блатонуть ресторан, в котором он работал. Место было доходное, живое, рядом с автостанцией, и два раза в сутки у хозяина собиралась приличная наличность, по прикидке Николая – под тысячу долларов. Эти деньги Чу Бьен относил в банк – в семь утра он уносил туда бумажный пакет с ночной выручкой, а в восемь вечера, перед закрытием банка, – пакет с дневной. И хотя банк был буквально через дорогу, Чу всегда сопровождал кто-нибудь из корейцев. Но это Николая не смущало, он мог легко справиться и с тремя, отключить их прямо на улице, у светофора, отнять пакет с деньгами и... Вопрос был в том, где взять машину для отрыва?

Николай стал следить за потоком транспорта в восемь утра и в семь вечера и к концу третьей недели уже имел план действий. Ясно, что утром проводить операцию нельзя – светло и полно машин, все едут на работу, не оторвешься. А вечером... К сожалению, даже в семь вечера еще совершенно светло. Но поток машин пореже. То есть можно схватить пакет с день-

гами, ринуться к ближайшей машине, проезжающей перекресток, выбросить из нее водителя и – деру. Правда, может оказаться, что водитель успеет защелкнуть дверцу машины. Но если купить игрушечный пистолет (у Джонни игрушечные пистолеты и автоматы выглядели лучше натуральных) и если погулять вокруг ресторана, чтобы изучить все улицы и выбрать маршрут отрыва...

Жизнь, однако, опередила Николая. В два часа ночи, когда поток клиентов обычно пресекался, за стеклянной дверью «Golden Mandarin» остановился мотоцикл, и два молодых черных парня в масках-чулках вбежали в ресторан. Один из них – высокий верзила в пиджаке и с двумя «береттами» в руках кричал: «Everyone lie down! On the Root! Down!» – «Всем лечь на пол!», а второй – маленький и безоружный – тут же перемахнул через стойку к кассе, боксерским ударом послал Чу в нокаут и стал выгребать из кассы деньги, засовывая их в коричневый бумажный пакет.

Николай и два повара-корейца лежали на влажном кафельном полу кухни, возле тарелки с кошачьей едой, и через открытую в зал дверь Николай видел черного верзилу с двумя «береттами» навскидку и пританцовывающего от нетерпения так, словно ему нужно было немедленно пописать. «Come on, man! Come on!» – торопил он своего партнера, водя «береттами» по залу. Карманы его пиджака топорщились коричневыми бумажными пакетами, взятыми, видимо, только что в предыдущем ограблении, а за стеклянной дверью и окнами ресторана ритмично рокотал мощный мотор мотоцикла «хонда».

В момент, когда верзила снова сказал что-то своему партнеру, Николай взял кошачью тарелку и сильно, как фрисби, метнул ее через зал. Тарелка ударилась в окно, и витринное стекло осыпалось с жутким звоном. Черный грабитель резко повернулся и, стоя спиной к кухне, стал палить в темноту за окном из обеих «беретт». Николай в два прыжка оказался у него за спиной и обрушил на его шею, в основание затылка, сокрушительный, как колуном, удар локтем. Даже сквозь грохот выстрелов было слышно, как хрустнули у негра шейные позвонки. Николай перехватил один из пистолетов из руки падающего бандита и повернулся с ним к его партнеру. Тот тут же поднял руки и залепетал:

– Don't kill me, man! Don't kill me! – Не убивай меня! Не убивай меня!

Николай нагнулся над распластанным на полу верзилой и вытащил из карманов его пиджака два толстых бумажных пакета. Потом, отступая, дошел до двери, открыл ее спиной, вышел из ресторана, сел на тарахтящий мотоцикл, сунул пакеты и пистолет за пазуху и, еще не веря своей удаче, откинул подножку мотоцикла и дал газ.

Ночная Америка приняла его ликующую душу и сердце, стучавшее в ритме «хонды».

Удачи, как и беды, никогда не ходят в одиночку. Через час на обочине пустого ночного шоссе он увидел мигающие красные огни какой-то машины и одинокую женскую фигуру возле нее. Он сбавил газ и притормозил. Фара мотоцикла высветила «Вольво-240», открытый багажник, спущенное заднее колесо, какие-то инструменты возле него и слезы на глазах женщины-испанки.

– Мей ай хэлп? – галантно и почти как натуральный американец предложил ей помощь Николай, не вставая с седла.

– No. Thank you. I'm waiting for police. (Нет, спасибо. Я жду полицию.)

– О'кей, – сказал Николай, понимая, что она его просто боится. И повернул руль к шоссе, чтобы уехать.

– Momento! – сказала испанка.

Он вопросительно повернулся. Теперь, когда она увидела, что он уезжает, ей стало еще страшней остаться тут одной.

– Are you German? – спросила она.

– Йес, – соврал Николай.

– Can you change that God damn tire? I can't turn the nut. (Вы знаете, как поменять это чертово колесо? Я не могу повернуть гайку.)

Николай не понял и половины, но по ее голосу и жесту было ясно, что она просит о помощи. Он выключил двигатель «хонды», встал с мотоцикла и подошел к заднему колесу «вольво». Слава Богу, что эта дуручка не смогла открутить гайки – она пыталась снять колесо машины, даже не поставив ее на домкрат. Хотя домкрат был тут же, в дерматиновом футлярике. А в багажнике лежала запаска. Николай взял эту запаску и тут же понял, что дело хана, запаска была спущенной.

– Oh, my God! – сказала испанка, когда он показал ей, что эта запаска мягкая, как детская клизма. – But I think she has a pump. You see this is my daughter's car. She is camping now in Europe... (Но мне кажется, у нее был насос. Понимаете, это машина моей дочки, она сейчас путешествует по Европе.) – Она зашарила в багажнике и действительно выудила из него ножной насос. – May be we can pump this tire? My mechanic is right there, two miles... (Может, мы можем подкачать колесо, мой механик тут рядом, в двух милях.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.